

А л е к с а н д р В А Р Г О

ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

**Москва
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В18

Ранее книга выходила под названием «Кукла»

Варго, Александр.
В18 **Заброшенная шахта / Александр Варго. —**
Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. —
(MYST. Черная книга 18+).

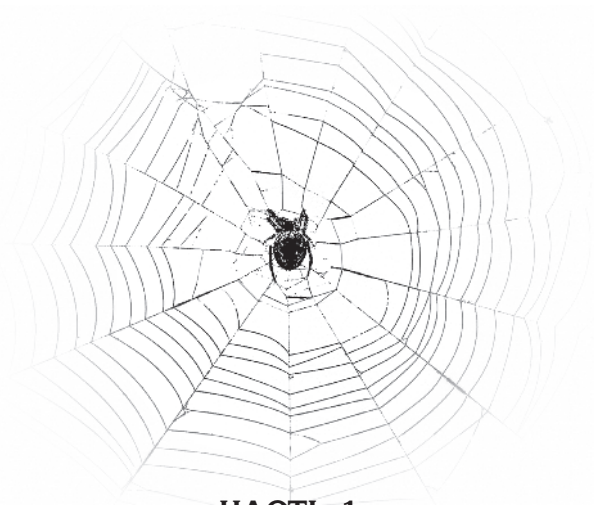
ISBN 978-5-04-092814-9

На околице глухого заброшенного селения есть древняя шахта, в которой, по преданиям, дремлет могущественная потусторонняя сила. В деревне всего один жилой дом, и в нем влачат полунищее существование старуха с внучкой. Девочка погибает под колесами автомобиля. У старухи помутился разум, и она спускается в шахту с любимой внучкиной куклой. Там, в темном сыром подземелье, в игрушку вселяется сила, призванная отомстить водителю-убийце и всей его семье. И кукла, словно бы случайно, объявляется в доме мужчины, который был за рулем в тот роковой день...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092814-9

© Варго А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ЧАСТЬ 1

Гюльчатой, открой личико!

*Петруха. Белое солнце
пустыни»*

Abyssus abyssum vocat¹.

Homo errans fera errante pejor².

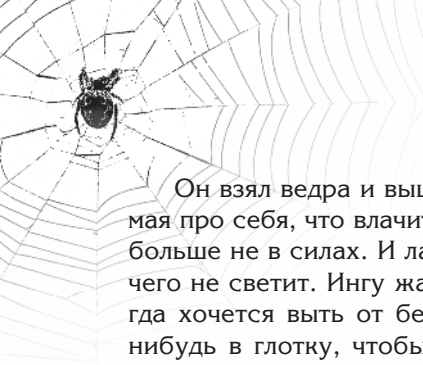
Грузный, широкоплечий мужчина неторопливо вылез из-за стола и поймал вопросительный взгляд дочери. Она явно беспокоилась, гадая, понравилась ли ему приготовленная ею стряпня.

— Обед был вкусный, — похвалил мужчину, и дочь робко улыбнулась. Несмотря на то что лицо ее было плотно замотано черным платком, он *видел*, что она улыбнулась. За то время, пока она носила платок, он быстро научился определять настроение Инги по глазам. Иначе и быть не могло, справедливо полагал он, ведь она его дочь.

— Схожу за водой, — сказал он, и Инга согласна кивнула, давая понять, что это было бы в самый раз. Однако в какой-то момент ее некогда гладкий и нежный лоб, теперь испещренный бугристыми пятнами, прорезала тревожная морщинка.

¹ Бездна призывает бездну (*лат.*).

² Бродячий человек страшнее бродячего зверя (*лат.*).

Он взял ведра и вышел из дома, с грустью думая про себя, что влачить такое существование он больше не в силах. И ладно он, ему все равно ничего не светит. Ингу жаль, жаль до того, что иногда хочется выть от бессилия и вцепиться кому-нибудь в глотку, чтобы выпустить из себя накопившуюся боль и горечь. Но и выхода из сложившейся ситуации он не видел. Ладно, пытался он успокоить себя, по крайней мере все невзгоды уже позади, и он обязательно что-нибудь придумает.

Неслышно ступая задубевшими ступнями по земле (ни он, ни Инга не носили обуви — в лесу в ней не было необходимости, а зимой им хватало одной пары старых валенок), мужчина направился к ручью. Невзирая на внешнюю неуклюжесть и кряжистость, двигался он достаточно проворно и легко. Солнечные лучи еще пробивались сквозь кроны могучих деревьев, но вокруг уже сгушалась духота, воздух становился терпким и сухим, как вата, и мужчина знал, что скоро начнется дождь. Нужно будет сказать Инге, чтобы убрала белье со двора...

Он взошел на пологий холм, обогнул знакомый громадный валун, покрытый темно-зеленым мхом, на котором что-то старательно выискивала белка, и впереди блеснул ручей. Он был узким, но вполне глубоким, для того чтобы разом набрать целое ведро. Мужчина встал на колени, решив сначала сполоснуть лицо и выпить воды. Прозрачная и чистая как хрусталь, она была до того холодной, что у него моментально занули зубы, но в этом было что-то приятное. Ощущение свободы, что ли. Пофыркивая и крякая, он умыл лицо, после чего опустил руки в воду, зачерпнул воды и замер.

Медведь. Громадный, старый монстр с грязной клочковатой шерстью, он неподвижно застыл по другую сторону ручья, пытливно наблюдая за мужчиной своими крохотными злобными глазками.

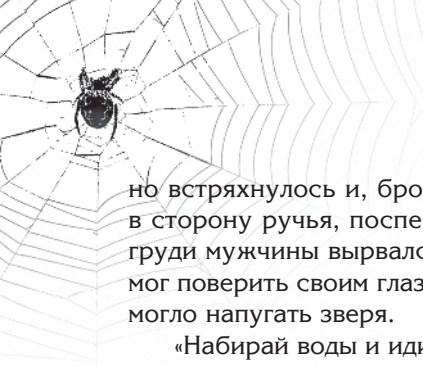
ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

Мужчина узнал его. Старый знакомый. Год назад или чуть больше он чуть не убил зверя, всадив в него два заряда картечи, а тому хоть бы хны. Тогда с ним было две собаки, и, пока ослепленный болью и яростью медведь рвал на куски самоотверженно бросившихся на него псов, он ушел, проклиная себя за промах.

Теперь медведь вернулся, и мужчине казалось, что он видит на морде пожилого, но все еще очень опасного зверя зловещую ухмылку.

«Я все помню, Человек, — говорили его поблескивающие глаза. — И, будь покоен, ты вспомнишь каждый свой выстрел, сделанный тобой год назад...»

Мужчина даже не пытался бежать — несмотря на солидный возраст медведя, он знал, что животное догонит его в два счета и убьет, прежде чем тот успеет крикнуть. Но он также знал, что медведи пасуют перед теми, кто выше их. Конечно, можно было бы попробовать вытянуться во весь рост, подняв над головой ведро, хотя где-то в глубине души он слабо верил в это, — медведь был опытным бойцом, да и выглядел так, будто видел насквозь его, Человека, в том числе и хаотично снующие мысли в его черепе, и номер с ведром тут явно не пройдет. Впрочем, другого выбора не было, решать нужно было немедленно, так как медведь начал движение. Из глотки послышалось утробное ворчание, звук был словно из преисподней. Мужчина стал медленно подниматься на ноги. Медведь неторопливо ступил в ручей, начинающая облезать шерсть моментально потемнела от воды, глаза зверя неотрывно сверлили мужчину. И в тот момент, когда мужчина уже мысленно прощался с жизнью, медведь внезапно застыл как вкопанный. Фыркнул, недоуменно повертел огромной как котел головой, будто пытался согнать с себя насекомых. Страх мужчины сменился удивлением. Между тем животное проворно выбралось назад, энергич-

но встряхнулось и, бросив встревоженный взгляд в сторону ручья, поспешно засеменило прочь. Из груди мужчины вырвался вздох облегчения. Он не мог поверить своим глазам, пытаясь понять, что же могло напугать зверя.

«Набирай воды и иди домой, — приказал он себе. — Какая разница, что его вспугнуло...»

И все равно какое-то время он не сводил глаз с кустов, где скрылся медведь, пока окончательно не убедился, что опасность миновала. Он наполнил одно ведро, за ним второе, пока вдруг не понял, что что-то вокруг изменилось. Ослепляющая тишина. Все вдруг замерло, птицы перестали щебетать, на ветвях ни единый листик не дрожал, казалось, даже ручей перестал журчать. Холодный пот неожиданно пробрал мужчину. Он посмотрел на ручей. Внимание его привлек странный предмет, плывший вниз по течению прямо посередине. Издалека его можно было принять за корягу, но отчего-то мужчине подумалось, что никакая это не коряга. Через мгновение, когда предмет был уже совсем рядом, он вдруг отшатнулся, словно увидел перед собой ядовитую змею. Не удержавшись, он приземлился на ягодицы, босые ноги заскользили по влажной земле, локтем он сбил одно ведро, оно свалилось прямо в ручей. Предмет медленно плыл по течению и неожиданно остановился напротив ошеломленного мужчины, как если бы наткнулся на невидимую преграду. Ручей нес мелкие листья, а предмет, вопреки всем законам физики, продолжал оставаться на одном месте, как гротескный кораблик, бросивший якорь.

Мужчина закричал. Теперь он узнал предмет. Теперь он понял, чего так испугался старый медведь.

И когда Она вдруг плавно повернулась по часовой стрелке, описав полный круг, и стала медленно подниматься, он закричал еще громче. Капли воды как слезы срывались с Нее, сверкая брил-

ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

лиантами в полуденном солнце, и падали обратно в ручей, который как ни в чем не бывало продолжал нести воды, как и нес не один десяток лет, будто бы и не подозревая, какую страшную вещь он принес на этот раз.

Ему показалось, что он сидит на берегу миллион лет, хотя на самом деле прошло не больше минуты. В ушах звенело, в глотке стало сухо как в пустыне, глаза, не мигая, смотрели на предмет, который как ни в чем не бывало, плавно покачивался в ручье. Травинки и мелкие веточки, которые плыли по течению, торопливо и будто даже испуганно огибали странный предмет, а он все смотрел и смотрел. Он не заметил потерю одного ведра, которое тоже медленно уносило течение (ведро? какая ерунда!), пытаясь привести в порядок мысли.

Как это случилось? Неужели опять? Может, это сон, и сейчас он проснется, пусть с диким воплем, скатившись с кровати, но одновременно испытывая ни с чем не сравнимое облегчение, что увиденное им — всего лишь ночной кошмар? Он же прекрасно помнил, что уничтожил эту штуку!

«Инга, — пронзила его мозг мысль. — Все, что угодно, только не Инга».

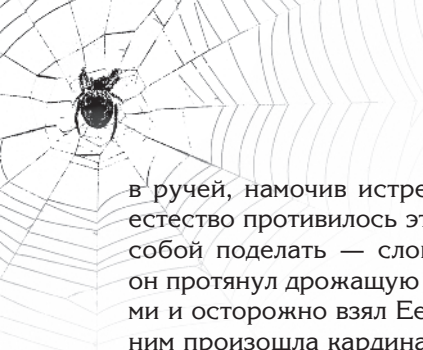
— Неужели все сначала? — он с трудом разлепил побелевшие губы. — Нет!

Он поднялся на ноги, колени предательски подгибались, будто он прошел не один десяток километров без отдыха.

— НЕТ!!! — хрипло крикнул он, в бессильной ярости сжимая кулаки. Она безмолвно плавала на поверхности, всем своим видом выражая ленивое безразличие. Она будто говорила:

«Мне плевать на твои вопли, глупец. Я ЕСТЬ. Так что тебе придется принять это как факт, как данность. А твои эмоции меня не интересуют».

Едва осознавая что он делает, мужчина вошел

Александр ВАРГО

в ручей, намочив истрепавшиеся штаны. Все его естество противилось этому, но он не мог ничего с собой поделать — словно загипнотизированный, он протянул дрожащую руку с узловатыми пальцами и осторожно взял Ее в руки. В ту же секунду с ним произошла кардинальная перемена — по всему телу пошло волнуемое тепло, сухость в горле куда-то исчезла, улетучился и непереносимый звон в ушах. Он с удивлением смотрел на невзрачный предмет, недоумевая, что же его могло так напугать. Одновременно с этим возобновились все знакомые ему звуки — лес как будто ожил, стряхнув с себя дремоту, и воздух наполнился переливчатым пением птиц, шелестом листвы, ручей успокаивающе журчал, и все было замечательно.

Он повертел предмет в руках, поскреб затылок и вышел на берег. Сердце уже не стучало как попавшийся в капкан зверек, в душе царило спокойствие и умиротворение.

К тому времени, когда он подходил к дому, начался дождь. Инги дома не оказалось, но он не очень удивился — она часто уходила в лес и подолгу бродила в одиночестве.

Предмет, который он держал в руке, был небрежно швырнут в угол. Если бы перед ним было зеркало, то он увидел бы, что в его волосах, не знающих расчески, добавилось седых прядей.

* * *

Инга ушла из дома сразу в тот момент, как ее отец наткнулся на странный предмет в ручье. Она ощутила легкий, но болезненный укольчик где-то под сердцем, и шумно выдохнула. Давно забытое ощущение, о котором остались далекие, покрытые пылью обрывочные воспоминания, в большинстве своем не совсем приятные (некоторые не просто неприятные, а кошмарные), и девушка вздрогнула. Разум отказывался принимать, что то, что БЫЛО, еще живет в ее памяти, но от этого никуда не деть-

ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

ся. Память о происшедшем была равносильна старой, подслеповатой рептилии, которая сонно заворочалась где-то глубоко внутри, обнажая стершиеся, но все еще острые зубы. Этот укол разбудил дремлющую тварь, и девушка опрометью выскочила наружу.

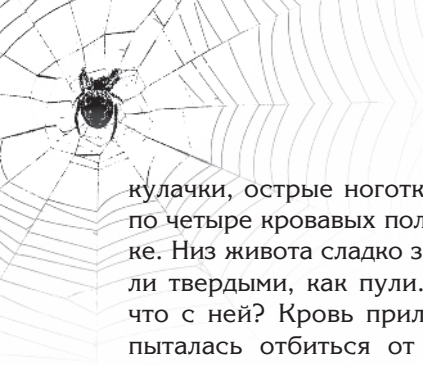
Ее не смутили ни надвигающиеся тучи, ни приближающийся вечер, она просто бежала, почти летела, едва касаясь земли своими загорелыми маленькими ступнями. Слезы скапливались в уголках глаз, оставляя блестящие дорожки на висках. Она бежала, даже не зная толком, куда направляется. И это пугало ее. Пугало, потому что она чувствовала, что тело не очень-то и повинуется командам ее мозга.

Кто-то управлял ею.

Через двадцать минут она шла обратно, за ней брели четверо заблудившихся мальчишек, испуганных и продрогших. Инга шла прямо, привыкшие ко всему ноги равнодушно ступали по острым камням и обломкам веток, она шла, чувствуя, что они послушно идут за нею, негромко переговариваясь. Она была нема, но слух у нее был превосходный. Вон тот, крепкий и невысокий с выпирающим животом, предположил, что она беженка из Абхазии. Ему возразил юноша с поврежденной ногой, сказав, что у нее европейский разрез глаз. Она горько усмехнулась про себя. Грузия, Абхазия... какая разница?

Она шла и раздумывала о чувстве, какое испытала, увидев этих молодых людей. Она не помнила, когда в последний раз видела кого-то, кроме своего отца. Зато в памяти крепко отпечаталось, как у нее заколотилось сердце, когда она смотрела на них.

Она шла и чувствовала, что сердцебиение усилилось. Ей стало жарко, дыхание стало учащенным, она с силой сжала свои крошечные, детские

Александр ВАРГО

кулачки, острые ноготки прорвали кожу, оставив по четыре кровавых полумесяца на каждой ладошке. Низ живота сладко заныл, соски набухли и стали твердыми, как пули. Девушку передернуло — что с ней? Кровь прилила к лицу, она усиленно пыталась отбиться от назойливых, не слишком скромных мыслей, но ответ напрашивался сам собой: она была возбуждена. В самом низу вдруг стало влажно, и с губ девушки сорвался едва слышный стон, больше похожий на мычание какого-то животного.

К счастью, никто из ребят его не слышал. Зато почти все обратили внимание, что походка их проводницы стала плавной и грациозной, она словно не шла, а парила по воздуху, а взгляды, которые она периодически бросала на молодых людей, становились все более странными. С этого момента ее сознание утонуло в темной, вязкой пелене безмолвия.

* * *

Она вынырнула на поверхность реальности, и первое, что ей бросилось в глаза, была кровь на одеяле. За исключением платка, закрывающего ее лицо, она была абсолютно голый (она не сняла его, несмотря на настойчивые уговоры того нескладного высокого парня).

Немного крови было на внутренней стороне бедра. Ее крови. Печать сорвана со священного сосуда, сорвана грубо, неумело, но факт остается фактом — сегодня она лишилась девственности. Похоже, этот юноша с сублильной фигурой даже не осознал, что он наделал.

Вместе с тем приходило протрезвление — медленное, мучительное, выворачивающее наизнанку все внутренности. Ей хотелось кричать. Она была ненавистна сама себе. Инга осознала, что означали те ощущения, когда она убежала в лес, где и

ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

нашла этих промокших, насмерть перепуганных мальчишек.

Она вернулась. Она рядом. Инга всегда подозревала, что Она бессмертна. Инга сразу не поверила, когда отец сказал, что с Ней покончено, и скоро у них начнется новая жизнь, только нужно немного прийти в себя.

Похоже, отец знает, что Она здесь. Но неужели Инга настолько провинилась перед Ней, что Она решила таким образом наказать ее, уже всеми проклятую, лишением целомудрия?! Отнять у нее то единственное, что осталось в этой никчемной жизни?

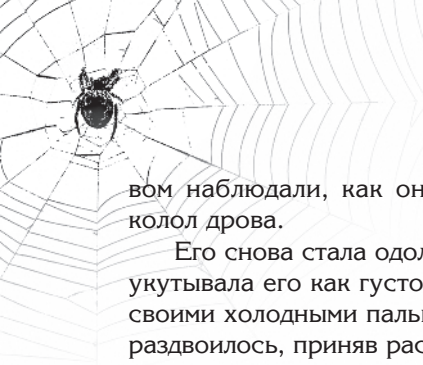
Ладно, это все лирика. Мозг девушки лихорадочно заработал. Теперь нужно найти выход из ситуации, она (точнее, Она через тело Инги) сама дала первый оборот страшному маховику, и теперь от нее зависело, сможет ли она его остановить, пока дело не зашло слишком далеко. На отца она не рассчитывала.

В комнату вошел следующий парень, на лице блуждала плотоядная ухмылка, и Инга замычала от ужаса.

* * *

Мужчина рубил дрова, не переставая ни на секунду. Сердце колотилось так сильно, что вот-вот выскочит через глотку и повиснет на мокрых от крови артериях, на мозолистых, темных ладонях появились трещины, сквозь которые выступил гной, пот заливал окаменевшее лицо, а он все рубил и рубил. Крошечный сарай был уже по колено завален расколотыми дровами, но он как с цепи сорвался. И когда он ставил очередное полено, его взгляд фокусировался не на нем, а на темнеющем в углу предмете. Плохое освещение не позволяло хорошо разглядеть его, но он прекрасно знал, что это такое.

Два глаза-льдинки с бесстрастным любопытст-

Александр ВАРГО

вом наблюдали, как он, изнемогая от усталости, колот дрова.

Его снова стала одолевать смутная тревога, она укутывала его как густой едкий туман, пробираясь своими холодными пальцами к горлу. Полено вдруг раздвоилось, приняв расплывчатые очертания, и он не сразу понял, что из глаз текут слезы.

— Ты была там! — безмерно уставшим голосом проговорил он, вытирая глаза. Он начал задыхаться, кружилась голова. — Какого черта, я бросил тебя НЕ здесь! Как ты очутилась тут, стерва?!

Глаза-льдинки таинственно блестели в темноте, как два крохотных бриллиантика на дне бархатной коробочки.

Хрясь! Хрясь!

Преданный раб и безмолвный страж, одно целое.

Отлетевшая щепка задела бровь мужчины, оставив узкую царапину.

Очередное полено, пятидесятое, сотое по счету, не важно. Пальцы уже не слушались, топор валится из рук, выгоревшая дырявая рубашка намочила так, что ее впору выжимать, но он продолжал иступленно рубить.

Хрясь!

В доме что-то происходило. Что-то не совсем хорошее, он понимал это. Собственно, он знал, что ЧТО-ТО должно произойти с того момента, как только Инга привела этих молокососов. Он хотел броситься в дом, что-то прочно держало его здесь, в этом тесном сарае, заставляя до изнеможения рубить эти проклятые дрова.

Тихая, ослепляющая ярость медленно поднималась наверх, словно кипящее варево, требуя выхода. Топор мелькал в руках, глаза неотрывно глядели на Нее. Может, еще не все потеряно? Ведь не может быть, чтобы Ее ничего не брало?!

«Может», — прошептал внутренний голос, но он отмахнулся от него, как от зудевшего над ухом

ЗАБРОШЕННАЯ ШАХТА

комара. Огромным усилием воли он заставил себя шагнуть в сторону. Туда, к мерцающим во мраке глазам-льдинкам. Еще один шаг. Глаза из темноты ухмылялись, предрекая несчастье. Где-то глухо звякнуло, что-то вроде колокольчика.

«Остановись!» — завопил голос в голове, и он заскрежетал зубами — боль в висках была невыносимой. Не обращай внимания, это все ерунда. Как те щепки, которые устилали пол сарая, жалкие и бесполезные. Еще один шаг. Пальцы с такой силой сжали топорнице, что стали белыми.

Он занес топор, молясь про себя. Один удар — и все кончено.

Лезвие рассекло спертый воздух, описало кривую дугу, благополучно миновав прислоненный к стене сарая предмет, после чего с хрустом вгрызлось в его левую ступню. Он не кричал. Боли, в общем-то, и не было. А должна быть, ведь он только что топором отсек себе два пальца. Пузырясь, из раны стала выплескиваться кровь, впитываясь в земляной пол.

— Ты довольна? — прошептал сухими губами он. Дыхание с хрипом вырывалось из легких, округлившиеся глаза неотрывно смотрели на отрубленный кусок ступни с двумя пальцами. После ампутации они шевельнулись, словно сожалея, что их разъединяют с телом, пусть не таким новым и сильным, каким хотелось бы, но они принадлежали этому телу, они были его неотъемлемой частью.

— Ну? — прошептал он, подняв глаза. Тихо. Глаза-льдинки потухли, и сейчас он видел только очертания предмета. Будто там ничего и не было, просто какой-то полусгнивший чурбак, от которого исходил тихий тоскливый звон.

— Убей меня, — произнес мужчина с нарастающей ненавистью. — Что же ты медлишь, тварь?!

Наконец пришла боль в ноге, но ослепленный яростью мужчина не обратил на нее внимания.

— Если с Ингой... с Ингой что-то случится, —